

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ П. ГЕМАВАТА 9

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА 11

БЛАГОДАРНОСТИ 15

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОЗМОЖНОСТИ ВЫБОРА

ГЛАВА ПЕРВАЯ **Конфликт мировоззрений** 19

Мир 0.0 21

Мир 1.0 23

Мир 2.0 25

Консервативная реакция на наши нынешние трудности 28

Путь вперед: Мир 3.0 33

Далее в книге 38

ГЛАВА ВТОРАЯ **Полуглобализация сегодня и завтра** 41

Проверка глобальной реальности 43

Полуглобализация при детальном рассмотрении 48

Анализ «глобовздора» 52

Технотрансы 53

В противовес технотрансам 55

ГЛАВА ТРЕТЬЯ	Границы, различия и закон отдаленности	61
Тайна пропавшей торговли	63	
Из Канады с конфеткой	66	
Различия и расстояния	71	
«Закон» отдаленности	77	
Новый взгляд на экономическую географию?	80	
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	Рост бизнеса за счет открытости	83
Модели CGE и барьеры CAGE	85	
Добавление ценности (ADDING ценности) через товарную торговлю	88	
Не товарной торговлей единой	95	
За пределами экономических ценностей	99	
А теперь все вместе	102	

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЕМЬ ВОЗМОЖНЫХ ПРОБЛЕМ

ГЛАВА ПЯТАЯ	Глобальная концентрация	111
Иллюзии автомобильной промышленности	114	
Увеличение глобальной концентрации, которого не было	116	
За пределами изменений в глобальной концентрации	121	
Навстречу более конкурентоспособному миру	126	
ГЛАВА ШЕСТАЯ	Глобальные внешние эффекты деловой активности	133
Плохие внешние эффекты	135	
Прямое влияние глобализации	137	
Косвенное воздействие глобализации	140	
Загрязнение и расстояние	145	
Дело глобального потепления	149	
Вперед, к более устойчивому Миру 3.0	154	

ГЛАВА СЕДЬМАЯ <i>Глобальные риски</i>	157
Информационные несовершенства	160
Время настоящее или прошедшее совершенное?	163
Капитал — благо или кара?	167
Продовольственные битвы	171
Риски интеграции	173
К более безопасному миру	175
ГЛАВА ВОСЬМАЯ <i>Глобальные дисбалансы</i>	181
Дисбалансы капитала	183
Продолжение «Химерики»	186
Модели и сигналы	191
Человеческие дисбалансы	197
Сопротивление со стороны принимающих	202
Подозрительность среди отправляющих	205
К более сбалансированному миру	206
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ <i>Глобальная эксплуатация</i>	211
Неравенство и интеграция	212
Глобальное неравенство	217
Сформировавшиеся опасения	222
Формирующиеся опасения	227
К более справедливому миру	231
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ <i>Глобальное угнетение</i>	237
Pax Americana	238
Корпоративные властелины?	240
Золотая смирительная рубашка?	243
Гибель демократии?	246
Войны широко распространяются?	248
Независимость и интеграция	250
К более свободному миру	255
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ <i>Глобальная гомогенизация</i>	257
Эластичные культуры	259
Культурные выгоды и убытки	264
Фактор страха	267
Ксенофобия за пределами допустимого?	273
К более гармоничному миру	275

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ К Миру 3.0	281
Гарвард против Чикаго	283
Глобализация дебатов	285
Пространство двойственного выбора, а не борьбы	289
Представление о Мире 3.0	296
 ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ Страны в Мире 3.0	299
Проблемы Андорры	300
Нигерия: дело не только в нефти	305
Американо-китайские отношения	309
Задумайтесь о различиях	316
Увеличение потенциала страны	322
 ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ Бизнес в Мире 3.0	325
Нанесите на карту реальные расстояния в вашей отрасли или компании	326
Избегайте рыночного империализма	332
Обновляйте рыночные стратегии	334
Управляйте внутренним расстоянием	336
Не рынком единым	340
По ту сторону бизнеса	342
Максимально наращивайте потенциал бизнеса	343
 ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ «Мы» и «они» в Мире 3.0	345
Духовное расстояние	346
Переосмысливая космополитизм	352
Стадия первая: осознание	356
Вторая стадия: знакомство	359
Третья стадия: альтруизм	362
Максимальное увеличение человеческого потенциала	365
 ПРИМЕЧАНИЯ	369
ОБ АВТОРЕ	413

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ П. ГЕМАВАТА

Мир объединяется в единую общедоступную зону обмена информацией и сотрудничества, и это заставляет нас осмыслить суть процесса глобализации. Существуют другие процессы, которые идут вместе с глобализацией, поэтому важно понимать, как можно успешно и взаимовыгодно включиться и управлять такими процессами.

Возможность быть полноценным конкурентным партнером стимулирует к принятию международных стандартов и распространению общепринятых мировых ценностей как в самой отрасли, так и за ее пределами. Наличие качественного продукта, который сегодня может предложить «Росатом», дает уверенность в собственных силах.

Умение использовать процесс глобализации на благо развития взаимовыгодных партнерских отношений, а также стремление полностью погрузиться в интеграционно-трансформационные процессы — ключ к более успешной адаптации «Росатома» к новым реалиям и современным рыночным условиям.

Книга Панкаджа Гемавата сможет дать теоретически выстроенные обоснования, подкрепленные конкретными примерами. Она сформирует представление о процессе глобализации в целом, с одной стороны,

а с другой — о бизнес-реалиях, где не все границы стерты, где есть место национальным интересам и политическим границам.

Полагаю, что книга профессора Гемавата станет полезным источником фактологических данных, а также послужит базисным инструментом для более точного понимания и, следовательно, поможет включиться в процесс глобализации.

К.Б. Комаров,

*Заместитель генерального директора —
директор Блока по развитию и международному бизнесу,
Госкорпорация «Росатом»*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Кризис 2008 г. заставил многих из нас пересмотреть свое отношение к рынкам и глобализации. Нужно ли в реальной ситуации, выявившей изъяны рынков, прислушиваться, как и прежде, к суждениям о выгодах рыночной интеграции? Или же нам лучше — как вообще свойственно людям в бурные времена — попридержать себя и не пришпоривать интеграцию, а свои проблемы решать в более скромных, поддающихся управлению масштабах?

К сожалению, дискуссия на эти и связанные с ними темы, похоже, окончательно увяла. Тщательно разработанные бизнес-стратегии, вселяющие оптимизм и уверенность в экономистов, но вызывающие опасения у широких кругов общественности, на практике оказываются неэффективными. Нам необходимо «переформатировать» полемику таким образом, чтобы она касалась насущных проблем и расширяла, углубляла и упрочивала базу для своего дальнейшего развития. Цель этой книги — проанализировать фундаментальные вопросы и привлечь к их обсуждению тех, кто заинтересован в том, чтобы построить новый, лучший мир, а не тех, кто стремится разрушить существующий порядок вещей.

Каким образом я предлагаю достичь поставленной цели? Во-первых, противопоставляя четкие статистические данные дурным предчувствиям и страхам. Известно ли вам, какой объем товаров и услуг, капитальных ресурсов, информационных потоков, а также какое количество людей пересекают границы государств по всему миру? В противном случае довольно трудно придерживаться обоснованной позиции по поводу того, нужно ли расширять интеграцию или же, наоборот, сокращать ее. Знаете ли вы, насколько, предположительно, вырастет ВВП, если мы больше откроемся миру? Насколько сравнимо влияние глобализации на

рынки труда и на технический прогресс? Если соединим неустойчивые национальные рынки, повысятся ли риски под воздействием волатильности или же они понизятся благодаря диверсификации? Повышает ли деловая активность уровень загрязнения окружающей среды или, наоборот, понижает его? Иногда трудно дать четкий положительный или отрицательный ответ, но нам *необходимо* хотя бы рассмотреть общедоступные статистические данные и результаты аналитических исследований, которые я постарался привести в книге.

Во-вторых, выйдя за пределы экономики с целью извлечь уроки из истории, философии и других наук, мы сможем лучше понять коренные убеждения других людей и, возможно, даже свои собственные. Возьмем, например, спровоцированные кризисом призывы к протекционизму. На протяжении практически всей истории человечества самым лучшим из всех возможных ответов на угрозу извне становилось тесное сплочение людей в своей среде обитания и возведение барьеров, с тем чтобы удержать хаос на расстоянии. И даже в наше время доверие и взаимопонимание резко уменьшаются с ростом расстояний. Поэтому, в то время как экономика учит нас, что протекционизм приносит больше вреда, нежели пользы, люди интуитивно не верят науке, особенно когда они напуганы происходящим вокруг.

В-третьих, я стремлюсь улучшить стратегическое планирование и его дискурс посредством расширения рамок самого планирования. Полемика вокруг глобализации неразрывно связана с еще более ожесточенными спорами по поводу регулирования. Широко бытует мнение, что глобализация идет рука об руку с ослаблением регулирования, и наоборот. Что еще хуже, глобализация и регулирование преподносятся как безальтернативные стратегии. Поэтому вся поле стратегического планирования, по сути, безрассудно сводится к единственному выбору или-или, который в своей книге я буду называть схваткой с переменным успехом между Миром 1.0 и Миром 2.0. Нам не в кого целиться, кроме как друг в друга.

Мир 3.0 заново преображает поле действия и предлагает улучшенный путь в будущее. Взвешенно оценивая как глобализацию, так и регулирование, он прокладывает дорогу к процветанию через углубление рыночной интеграции в сочетании с ограниченным и целевым регулированием рынков. Невзирая на то что расширение интеграции противостоит стремлению людей замкнуться в трудные времена в своем ближайшем окружении, Мир 3.0 использует и совершенствует сложившийся на протяжении тысячелетий способ увеличивать процветание и благополучие.

чие за счет расширения сотрудничества. В свете этого можно по-новому истолковать смысл космополитизма.

Разделение интеграции и регулирования на две различных, неполярных сферы выбора вариантов открывает множество потенциальных путей к достижению благосостояния и уверенности в будущем. Это вдохновляет, главным образом, потому, что предоставляет нам гораздо больше возможностей улучшить мир, пока еще невидимых большинству людей, — и потому мы не должны всей мощью нашей аргументации обрушиваться на тех, кто думает совсем иначе. В то же время это обязывает нас тщательно проанализировать множество вариантов, прежде чем сделать правильный выбор. Поэтому в дополнение к описанию спектра возможностей я предлагаю несколько стратегий, позволяющих управлять взаимодействием интеграции и регулирования.

Все вышеизложенное в большей степени основывается на работе исследователей в различных областях знаний, нежели на моих собственных изысканиях. Подробнее я рассматриваю следующие аспекты: от экономики, которой посвятил свою докторскую диссертацию, перехожу к анализу кризиса рынков с точки зрения их производственной организации, а также к регулированию рынков; далее к эмпирическим исследованиям в области международной экономики на тему влияния экономических различий и географических расстояний на товарно-сырьевые и финансовые потоки. Особое внимание уделяется бизнесу (я обучал ведению бизнеса, изучал его и писал о нем на протяжении трех десятков лет), что делает книгу более реалистичной в том смысле, что именно коммерческие структуры, а не рынки служат главным связующим звеном в системе международной торговли. В добавление к этому подчеркивается значение pragmatизма и концентрации внимания на ценности. Знакомство с мнением бизнесменов касательно того, какие выгоды приносит транснациональное перемещение ресурсов, расширит рамки и обогатит дискуссию о том, какие блага приобретет общество в целом, если станет более открытым.

И наконец, книга призывает вас пересмотреть собственные взгляды на глобализацию. Да, вы можете прийти к иным выводам, чем я, но если ваше видение мира вступит в противоречие с фактами, то вам может показаться весьма заманчивым подвергнуть пересмотру свой образ мыслей. Правильно выстроенная стратегия способна вывести нас на верный путь, а если мы к тому же изменим образ мыслей, то сумеем достичь гораздо большего. Кризис же может оказаться наилучшим временем для того, чтобы избавиться от оков традиционного мышления.

БЛАГОДАРНОСТИ

З а пределами этой книги остался долгий и трудный путь, а также труд сотен людей. Хотя большая часть моей признательности отражена в сносках, некоторых моих помощников я должен отметить особо. Стивен Олтман, в прошлом мой студент на экономическом факультете Гарвардского университета, а ныне мой замечательный коллега, оказал мне неоценимую помощь в исследованиях и написании книги, особенно глав 6, 7 и 9. Исследования Джорди Олле также способствовали ее созданию, равно как и усилия моего редактора Сета Шульмана, взявшего на себя труд свести множество сложных идей в единое целое. Антонио Аргандоса, Фариборц Гадар, Томас Хаут, Себастьян Райхе, Виллем ван дер Геест и три безымянных рецензента постоянно комментировали и помогали полностью или частично приводить в порядок черновые варианты. Сусана Мингель помогла с выбором названия, а также с обеспечением разрешений на цитирование источников; Марта Доменех следила за подготовкой рукописи. Я также глубоко признателен издательству Harvard Business Review Press за работу над книгой и выражаяю особую благодарность Мелинде Мерино и моему литературному агенту Хелен Риз, которая, собственно, и вывела меня на это издательство. И наконец, бизнес-школа IESE, возглавляемая деканом Хорди Канальсом, доказала свое право на успешную поддержку проекта, чьи рамки, будучи изначально широкими, все время продолжали раздвигаться.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОЗМОЖНОСТИ ВЫБОРА

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Конфликт мировоззрений

С казать, что мы живем в нелегкие времена, — возможно, все равно что начать роман фразой «Ночь была темной и ненастной». Однако мы сталкиваемся с реальными трудностями. Финансы пребывают в беспорядке, и, хотя тревоги по поводу банковского кризиса, кажется, поутихли, страх того, что кризис поразит и государственный бюджет, по-прежнему велик. Даже без учета дополнительных финансовых проблем общая экономическая перспектива выглядит безрадостнее, чем несколько лет тому назад. Общемировой порядок также демонстрирует признаки нестабильности. Богатство и могущество перемещаются в новые регионы и переходят в руки других народов. Прежние политические доктрины и блоки больше не кажутся жизнеспособными. Технологии и средства массовой информации меняются буквально на глазах. То же самое, очевидно, происходит и с природой.

И это далеко не все. Проблема не только в сложившейся ситуации, но и в нашем отношении к ней. Простого повторения мантры о свободных рынках уже недостаточно, хотя некоторые до сих пор цепляются за этот постулат, продолжая утверждать, что рынки способны творить чудеса и что вмешательство государства в их деятельность является заведомо ошибочным. Другие эксперты ударяются в прямо противоположную крайность, заявляя, что рынки плохие, а правительства хорошие. Третьи призывают «чуму на оба этих дома» и возлагают надежды на мутуализм и даже анархию. Беда всех этих «рецептов» состоит в том, что они являются порождениями прошлого и плодами устаревших мировоззре-

ний. Как говорил известный бейсболист Питер «Йоги» Берра, «и снова дежавю». Смеяться тут особо не над чем. Мы рискуем вернуться к бесполезным и даже опасным взглядам, которые в случае осуществления худшего из сценариев могут привести скорее к чреватому катастрофическими последствиями закрытию границ и глобальному обнищанию, нежели к процветанию.

Нынешние трудности настоятельно требуют нового восприятия жизни. В этой книге излагаются основы такого мировоззрения, которое я называю «Мир 3.0». Как мы увидим далее, Мир 3.0 содержит четкие предложения для правительств, бизнеса и отдельных людей. От правительства он требует относиться к интеграции и регулированию рынков как к двум различным вариантам выбора, которые нужно координировать, а не противопоставлять. Бизнесу он предлагает широкий спектр возможностей приспособления к работе в разных странах, преодоления различий между ними и использования этих различий себе во благо. Все это я описывал в своих работах как «стратегию AAA»¹. Что же касается отдельных людей, то постижение Мира 3.0 включает развитие в себе укорененного космополитизма, отличающегося от понятий «гражданин страны» и «гражданин мира».

Прежде чем приступить к подробному описанию Мира 3.0, нам сначала следует выяснить, «как мы дошли до жизни такой». Давайте совершим небольшую «экскурсию» по мировоззрениям, хронологически предшествовавшим Миру 3.0,— я называю их Мирами 0.0, 1.0 и 2.0. Этот обзор поможет нам разобраться в огромном массиве публикаций на тему глобализации, а также предложить новые пути продвижения в будущее.

Говоря о предшествовавших Миру 3.0 мировоззрениях, я должен отметить, что с точки зрения истории организованная деятельность человечества делится на три больших периода. Например, историк Вольф Шефер подразделяет историю человечества на доглобальную фазу (до 1500 г.), протоглобальную фазу, длившуюся с 1500 по 1950 г., и глобальную фазу, продолжающуюся в настоящее время². А лауреат Нобелевской премии экономист Дуглас Норт и его коллеги выделяют три стадии формирования миропорядка: стадию примитивной добычи пропитания, «естественное государство» (неустойчивый мир, основанный на личных договоренностях между властителями) и «миропорядок открытого доступа... [при котором] граждане взаимодействуют друг с другом на самых различных социальных уровнях, не испытывая

необходимости знать что-либо об индивидуальных особенностях их партнеров»³.

При всем уважении к вышеизложенным мнениям я предпочитаю более вольную трактовку предшествовавших Миру 3.0 миропорядков не как четко определенных исторических периодов, а как более абстрактных архетипов, или моделей, социальной организации, глубоко укоренившихся в наших нынешних культуре и образе мыслей под воздействием событий, повлиявших на ход истории. Поэтому я ставлю своей задачей не столько подробный анализ прошлого, сколько описание Миров 0.0–2.0 как четких мировоззрений, порождающих противоречивые мнения относительно нашего дальнейшего развития. И, вводя понятие «Мир 3.0», я стараюсь расширить и развить спектр предполагаемых точек зрения, а не просто отстаивать свой выбор из уже существующих представлений.

Мир 0.0

Перенеситесь назад по шкале истории настолько, насколько позволит ваше воображение, — дальше всех войн и дат, которые вы заучивали в школе. Если вы увидите динозавров, значит, углубились слишком далеко. Согласно общепринятому мнению, современный человек выступил на сцену всемирной истории примерно 200 000 лет назад⁴. Люди жили кочевыми общинами или племенами охотников и собирателей до неолитической революции, произошедшей, по разным данным, от 11 000 до 5000 лет назад⁵. В это время люди постепенно стали вести оседлый образ жизни, начали заниматься земледелием и перешли к более сложной общественной организации. Нелегко представить себе, о чем думали наши далекие предки, и еще труднее приписать им какое-либо мировоззрение, поскольку их кругозор не выходил за рамки жизни в ограниченном пространстве. Но, оглядываясь в прошлое, можно сказать, что они все-таки передали нам определенный образ мыслей, укоренившийся в жизненном опыте человечества и проявляющийся в сплачивании небольших групп людей с целью выжить в неблагоприятных условиях.

В те времена люди жили, только чтобы обеспечить себе средства к существованию, и так продолжалось на протяжении многих тысяч лет. Как результат, экономическое неравенство было минимальным, но, с другой стороны, отсутствовал и экономический рост⁶. Главной целью являлась пища: основными занятиями были собирательство, охота

и примитивное земледелие. Личная безопасность также играла решающую роль. В те времена вероятность того, что один охотник или собиратель погибнет от руки другого, по разным оценкам, колебалась от 15 до 60%⁷. Когда случались убийства или кражи, наши предки не звонили в полицию и не ждали решения суда — подобных институтов просто не существовало. Они решали проблемы «подручными средствами» с помощью тех, кому могли доверять.

Вот что представлял собой Мир 0.0, или «естественное состояние», по Томасу Гоббсу, где жизнь была «тяжелой, жестокой и короткой» в отсутствие всякого правительства. Там шла постоянная война, а не царила утопия с выдуманными Жан-Жаком Руссо «благородными дикарями» или Уолденом, романтизированным Генри Торо. Это был дикий мир, в котором род людской жил на протяжении почти всего своего существования.

В таких суровых условиях всегда главенствовал вопрос доверия. Выжить в одиночку было невозможно, и даже в Мире 0.0 существовала торговля, но в результате предательства можно было лишиться имущества, свободы и даже жизни. Люди доверяли, в первую очередь членам семьи, в особенности кровной родне. Затем шли родственники по брачным линиям, или родовая община. На третьем месте стояло племя. Но в таких сообществах круг доверия, разделявший людей на «своих» и «чужих», был весьма узким. Общины охотников и собирателей обычно насчитывали всего 25–30 человек, а сообщества наподобие племени, возглавляемого вождем, редко когда превосходили своей численностью 1000 человек⁸. Вот почему, по некоторым оценкам, в 3000 г. до н.э. существовало порядка миллиона таких социальных образований в среднем по несколько десятков человек в каждом⁹. Высказывается мнение, что эти образования оставались столь немногочисленными потому, что тогда не существовало способов контролировать насилие среди большего числа людей¹⁰.

Многие ученые считают такой низкий «персонифицированный» уровень доверия ключевым фактором, сдерживавшим развитие подобных сообществ и усугублявшим как экономические проблемы, так и проблемы безопасности. Действительно, мы находим подтверждение этой гипотезы в современных государствах с похожими характеристиками. Обанкротившиеся или стоящие на грани распада страны вроде Конго и Сомали характеризуются высоким уровнем политической нестабильности, гражданскими войнами и полным развалом здравоохранения,

образования и системы социального обеспечения. Уровень смертности вследствие насилия в некоторых районах Конго, похоже, достиг «показателей» общин охотников и собирателей, живших тысячи лет назад¹¹.

Дело не в том, что все племенные сообщества обречены на провал, а в том, что даже в наиболее стабильных из них общий уровень доверия гораздо ниже, чем в развитых странах с рыночной экономикой. В результате масштабного экономического исследования, проводившегося в 15 общинах США и Ганы, выяснилось, что фермеры и наемные работники в штате Миссури и наемные работники в Аккре относились к чужакам гораздо доброжелательнее, чем кочевые охотники и собиратели племени хадза в Танзании или индейцы племени цимане в бассейне Амазонки¹². Что еще примечательнее — доброжелательность напрямую соотносилась с рыночной интеграцией. Это соотношение измерялось количеством продуктов, которое община покупала на стороне.

Подобное сотрудничество с «чужими» — всеми находящимися за пределами тесного круга родственников, — было просто немыслимо несколько тысяч лет назад. И хотя масштабы сотрудничества расширились, но верность племенным устоям Мира 0.0 и, соответственно, страх перед чужаками и по сей день глубоко сидят внутри нас. Насколько ревностнее вы будете защищать свою семью, нежели семью соседа? А как насчет соседа в противовес кому-то живущему на другом конце города или на другом конце страны? Кому лично вы доверитесь, если ваша жизнь окажется в опасности?

Мир 1.0

Теперь перенесемся в наше время и увидим, что человечество (или по крайней мере большая его часть) в конце концов вырвалось из порочного круга насилия и экономического застоя первобытно-общинного строя. В период между 3000 г. до н.э. и 2000 г. н. э. население планеты увеличилось более чем в 100 раз, а мировой валовый продукт вырос в реальном исчислении более чем в 1000 раз. Но куда более радикальные изменения произошли в области социальной организации: сегодняшний мир консолидировался немногим менее чем в 200 независимых политических образований, что означает рост их размеров в несколько сотен тысяч раз, если исходить из категории численности населения¹³. Небольшие общины Мира 0.0, насчитывавшие несколько десятков

людей, и более крупные племена, возглавляемые вождями, сменились национальными государствами, в основном обладающими многомиллионным населением, суверенитетом над определенными территориями и многочисленным государственным аппаратом, включающим армию, силы поддержания правопорядка и чиновничество.

Нам известны три скачка территориального расширения государств — приблизительно в 3000 г. до н. э., в 600 г. до н. э. и в 1600 г. н. э.¹⁴ Однако даже там, где довольно быстро возникали крупные государства, лишь немногие социальные группы (например, торговцы или военные) взаимодействовали между собой на более-менее обширных пространствах. Подавляющее большинство людей оставались изолированными на локальном уровне, как и в Мире 0.0.

Большинство политологов исследуют период после 1600 г., ознаменовавшийся переходом к миропорядку, который характеризуется, прежде всего, наличием национальных государств. Я называю его «Мир 1.0»¹⁵. Вестфальский мир 1648 г., хотя и касавшийся только европейских держав и неоднократно нарушавшийся, все же часто рассматривается как основополагающий фактор в развитии современной системы международных отношений — она предоставляет суверенным национальным государствам монополию на применение силы в пределах их границ, но строжайше запрещает им вмешиваться во внутренние дела других стран. Иными словами, *ключевым элементом Мира 1.0 стали государственные границы, четко разделявшие сферы внутренней и внешней политики*. Расплывчатые «границы доверия» Мира 0.0 превратились в Мире 1.0 в межгосударственные стены, закрепленные в договорах, которые в случае необходимости навязывались (но и нарушались иногда) с помощью вооруженных сил, обычно сражавшихся под национальным флагом.

Хотя в те времена государства и заключали военные союзы, но в других областях они были в довольно большой степени самодостаточными: культура, общественное устройство и экономика носили сугубо национальный (а также и локальный) характер. Вот почему, по некоторым оценкам, международная торговля в XVI в. составляла всего 0,1% от мирового валового продукта, при этом находясь под строгим государственным контролем. Таким образом, суть перехода от Мира 0.0 к Миру 1.0 заключается в расширении сотрудничества с местного до национального уровня.

В Мире 1.0 неперсонифицированный обмен и другие формы взаимозависимости лично незнакомых субъектов распространяются все шире.

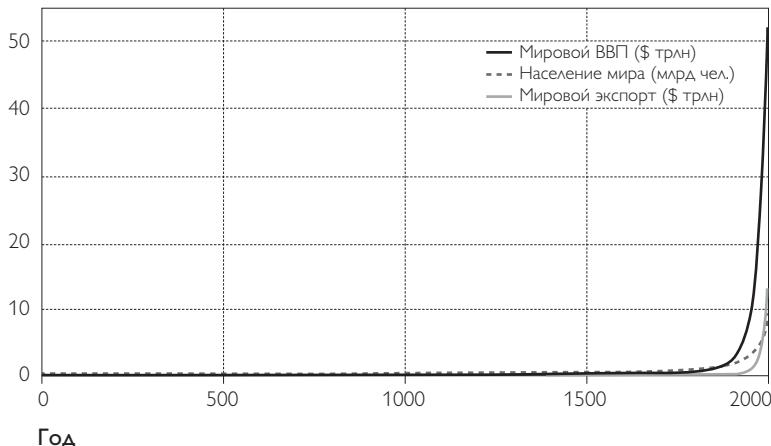
В области человеческих отношений Мир 1.0 вытеснил некоторые племенные ценности Мира 0.0, заменив их верностью национальному государству: гордостью за его историю, оптимизмом по поводу его настоящего и верой в его будущее. Гражданство определенной страны сделалось и во многом продолжает оставаться основой самоидентификации для большинства людей. Наши сердца переполняются восторгом, когда на церемонии вручения олимпийских медалей звучит «наш» гимн. Даже если мы не согласны с внешней политикой правительства, но почти единодушно поддерживаем войска нашей родины во время войн. И мы должны признаться, что нам гораздо легче оставаться равнодушными к невзгодам в дальних странах, чем в собственной стране. Во многих случаях сейчас местоимение «мы» относится к соотечественникам, а «они» — ко всем остальным. Подобный национализм — порождение Мира 1.0.

Национализм самым ужасным образом повлиял на наш мир (вспомним хотя бы войны в прошлом столетии), и этот процесс продолжается. При всем при том национальная структура Мира 1.0 заложила фундамент для невиданного дотоле развития. Как показано на рис. 1.1, практически весь рост населения и мирового валового продукта приходится на последние 500 лет истории человечества! Также обратите внимание на точку изгиба примерно 200 лет назад, когда после первой промышленной революции развитие человечества пошло поистине семимильными шагами. В период с 1820 по 2000 г. население земного шара выросло в пять раз, а мировой валовый продукт в 55 раз — невиданное доселе расхождение, отразившееся в беспрецедентном росте средних доходов на душу населения.

Мир 2.0

Рисунок 1.1, где приводятся данные о международном экспортном обороте, позволяет разглядеть расширяющиеся трещины в межгосударственных стенах Мира 1.0. Крохотные трещинки были заметны с самого начала. Эпоха Великих географических открытий, когда европейцы отправлялись в плавания, чтобы исследовать мир, *предшествовала* Вестфальскому миру, как и создание голландской и британской Ост-Индских компаний, прототипов нынешних транснациональных корпораций. Однако объем торговли начал расти более быстрыми темпами, чем ВВП, сравнительно недавно. В середине XIX в. Карл Маркс и Фри-

Рис. 1.1. Рост за два тысячелетия

Источники: численность населения мира цит. по работе Scott Manning, «Year-by-Year Population Estimates: 10,000 BC to 2007 AD,» Appendix: World Population Estimate Sets, Digital Survivors, January 12, 2008, <http://www.digitalsurvivors.com/archives/worldpopulation.php>. Мировой ВВП рассчитывался как произведение доли мирового ВВП на численность населения, согласно оценкам С. Мэннинга. Для периода с 1 по 2000 г. н.э. я использовал работу J. Bradford DeLong, «Estimating the World GDP: One Million BC–Present,» http://econ161.berkeley.edu/TCEH/1998_Draft/World_GDP/Estimating_World_GDP.html. Данные по мировому экспорту в 1500–1973 гг. взяты из Maddison's *Monitoring the World Economy: 1820–1992* (Paris: OECD Development Center, 1995) и «Contours of the World Economy and the Art of Macromeasurement 1500–2001» (2004), <http://www.ggdc.net/maddison/>; данные за 1973–2000 гг. основаны на мировых индикаторах развития (WDI), составленных World Bank.

дрих Энгельс уже могли с полным правом утверждать, что «потребность в постоянном расширении рынков сбыта своей продукции преследует буржуазию по всему миру. Она должна везде свить гнезда и пустить корни»¹⁶. В мировой экономике отношение экспорта к ВВП выросло примерно с 1% в 1820 г. до более чем 20% сегодня.

Консолидация производства и капитала в эпоху империализма способствовала значительному росту международной интеграции на протяжении всего XIX в. Однако в период между мировыми войнами процесс частично принял обратный характер. Лишь после Второй мировой войны глобализация и тот вызов, который она бросала Вестфальской модели национальных государств, сделались предметами широкого обсуждения.

Сам термин «глобализация» появился в одном из американских словарей в 1951 г., хотя в более ранних публикациях послевоенного периода указывалось на падение уровня интернационализации, начавшейся

в первые годы ХХ в.¹⁷ По-настоящему интерес к данному явлению проявился в 1980-х гг. и резко вырос в течение 1990-х и 2000-х гг. В начале 1990-х гг. в каталоге Библиотеки Конгресса США ежегодно регистрировалось меньше 50 публикаций о глобализации. С 2000 г. их число составляет более 1000 в год¹⁸. Еще более значимым является то, что многие ученые, например историк Пол Кеннеди, социолог Энтони Гидденс и политолог Джозеф Най, согласны с тем, что мы живем в новый век глобализации, к которому плохо применимы национальные разграничения Мира 1.0¹⁹. Папа римский и далай-лама придерживаются аналогичной точки зрения²⁰.

Подобные утверждения нагляднейшим образом подкреплялись процессами, набиравшими силу в последние десятилетия, в частности тенденцией к дерегулированию, сопровождавшей рост интеграции. Когда в 1980-х гг. у власти оказались консерваторы Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер, влияние правительства начало сужаться, и это привело к укреплению убежденности в том, что стремительное наступление глобализации подомнет под себя национальные структуры, не говоря уже о племенных. Такое положение дел, предполагающее конкуренцию чего угодно с чем угодно и откуда угодно, я называю «Миром 2.0».

Мир 2.0 очень беспокоит антиглобалистов, но греет душу глобалистам вне зависимости от их политических пристрастий. Томас Фридман считается в США журналистом левоцентристского толка, по крайней мере тяготеющим к центру. Однако его книги, провозглашающие первичность рынка по отношению к правительству («Плоский мир» и «“Лексус” и оливковое древо»), ставят его в один ряд с ярко выраженным правоцентристом Мильтоном Фридманом, ныне покойным лауреатом Нобелевской премии по экономике, преподававшим в Чикагском университете. При этом два Фридмана были движимы различными убеждениями. Первый — своей верой в несокрушимую силу глобализации, а второй — убежденностью в том, что правительство не способно ни на что более путное, чем регулировать денежную эмиссию и защищать частную собственность. Однако оба сходились во мнении, что дерегулированные интегрированные рынки придут на смену Миру 1.0.

Еще более странно, что согласие по поводу реальности Мира 2.0 объединяет, казалось бы, полярные мнения тех, кто считает его благом (например, Фридманов), и тех, кто считает его злом (например, общественного деятеля Наоми Кляйн). И сторонники, и противники глоба-

лизации согласны в том, что человечество уже создало в огромной степени (если не полностью) интегрированный мир. Мы увидим в главе 2, что это совсем не так. Но пока что рассмотрим, как предлагаемые меры противодействия кризису соотносятся с докризисным мировоззрением, а также с другими вышеупомянутыми теориями.

Консервативная реакция на наши нынешние трудности

О глобальном финансовом кризисе написано более 1000 книг, не говоря уже о бесчисленном множестве статей, записей в блогах и других комментариях. Одни просто выражают гнев — крики ужаса, воплощенные в печатном слове. Другие описывают яму, в которой мы оказались, или подробно исследуют, как мы (почти что) похоронили себя заживо. Гораздо меньше людей уделяют внимание тому, что нужно делать дальше (при этом многие продолжают докризисные споры о различных тенденциях), но ограничиваясь либо тактикой, либо краткосрочной перспективой. Дискуссии по более широким вопросам касательно истинных причин изъянов рынков и последствий международной рыночной интеграции встречаются гораздо реже и в большинстве своем могут быть сведены к трем мировоззрениям, которые я уже описывал.

Цепляясь за Мир 2.0

Некоторые приверженцы Мира 2.0, несмотря на кризис, не хотят отказываться от своих взглядов на deregулированные интегрированные рынки. Медиамагнат Руперт Мэрдок обвинил в катастрофе государство, заявив: «Очень просто переложить всю вину на свободный рынок, но каким образом мы получили ипотечный пузырь? Он надулся потому, что Конгресс США буквально заставил Fannie Mae и Freddie Mac давать ипотечные кредиты людям, не способным их выплатить. К тому же ФРС слишком вольно распоряжалась деньгами. Это естественным образом привело нас к тому, что мы имеем»²¹.

После непродолжительной паники последователи Мильтона Фридмана из Чикагского университета пришли к аналогичному выводу. По их мнению, проблема состояла в том, что рынки были недостаточно свободны от вмешательства государства. Аналитики с менее доктринерскими воззрениями признают неудачи рынков, однако настаивают на